

Young & Free

ТЬЕРРИ КОЭН

НАДЛОМЛЕННЫЕ
ДУШИ

Москва
2019

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
К76

Thierry Cohen

L'ACADÉMIE DES ÂMES ABÎMÉES

Copyright © Editions Plon / EDI8 - Paris 2018
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского *Нины Жуковой*

Художественное оформление *Петра Петрова*

Коэн, Тьерри.

К76 Надломленные души / Тьерри Коэн ; [пер. с фр. Н. Жуковой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-100445-3

Академия надломленных душ – место, в котором подросткам из неблагополучных семей дают второй шанс. Когда в стенах этой особой школы оказываются Лана и Дилан, они далеко не представляют, что же их ждет. Загнанные в ловушку, непонятые окружающими, они всегда сами спасали себя. Но не в этот раз. В этот раз за них решают другие. Загадочные наставники обещают новобранцам другую жизнь, вот только веры в мгновенное исцеление у ребят нет. На кону их будущее, а значит, ошибиться просто нельзя.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-100445-3

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящается Жаки¹ Кадош
и Леону Азуле —
двум прекрасным душам*

¹ Жаки — сокр. от Жаклин. — Здесь
и далее примеч. пер.

1

Лана

Они топтались на тротуаре, напряженные, старательно изображавшие крутых парней. Нервно затягивались сигаретами и обменивались взглядами сообщников. Голодная стая, уверенная в своей силе.

Выйдя из школы, она заметила их сразу и, ощутив панический страх, тут же отступила, спрятавшись за дверь.

Что делать? Обратиться за помощью к учителю, может, к директору? Нет, нельзя. Они предупредили: стоит ей заговорить, и в Сети окажется видео, то самое, что они снимали, пока...

Лана собственно съемки не видела, да и могла ли она что-нибудь видеть? Сначала девушка зажмурила глаза от ужаса, а потом, когда боль заставила ее их открыть, сразу полились слезы, и смутные формы, метавшиеся вокруг, были расплывчатыми и неопределенными, словно в густом тумане. То, что ей пришлось пережить, казалось просто неправдоподобным, поэтому она невольно искала выход из непроглядного мрака в наступающем ясном утре, ожидая, что сумрак вот-вот разорвется и она увидит спасительный свет, а дуновение свежего ветерка

вмиг развеет этот сгусток кошмара. Затем Лана различила в руках двух отморозков, завершивших свое «дело», мобильные телефоны. «Все записано, — произнес один из них. — Только попробуй кому-нибудь рассказать, и, клянусь, сразу же выложу все в интернет».

Как оно началось, это сошествие в ад? И, главное, почему? Отчего именно она? Из-за внешности? Отличных отметок? Неспособности поладить с другими? Или же речь шла о чем-то ином? О том, чего она не ощущала, в чем не отдавала себе отчета, но вызывавшем у других чувство неприязни, осуждения и насмешки? Из-за чего-то незримо присутствовавшего в ней, что исподволь, постепенно привело к разрыву с одноклассниками, отделило ее от них, оставило в изоляции, а потом бросило в лапы волчьей стаи.

А ведь все началось с безобидных смешков в коллеже, бесконечных подтруниваний над ее хорошими отметками, стилем эмо, ее стрижкой, пирсингом. Сначала она давала отпор. Мягкий, разумеется. Потому что с каждой новой атакой пропасть между ними становилась все глубже. С каждой новой насмешкой, которая должна была, по задумке исполнителей, вывести ее из себя, но только лишний раз доказывала, насколько хорошо она научилась прятать свое «я» за личиной эксцентричной бунтарки. И она терпела все, лишь улыбаясь в ответ тем, кто избрал ее мишенью. Ей хотелось казаться дерзкой, гордой, независимой. Но такое поведение, вместо того чтобы утихомирить обидчиков, только разжигало в них ненависть и отдаляло ее от немногих оставшихся друзей.

Лана слишком поздно поняла свою ошибку. Следовало дать отпор первой же насмешнице или обидчику, как это было принято в их квартале. Здесь це-

нилось только сопротивление, только насилие было достойно уважения.

И мало-помалу из-за непрекращавшегося шквала тычков и унижений она опустила глаза вниз, согнула спину, надеясь все же, что со временем издевательства прекратятся. Но низкие люди редко отступаются от собственной подлости. Время было упущено. Мучить ее стало модой, забавной игрой, признаком хорошего тона, знаком принадлежности к «обществу». Мученики всегда сплывают под лед. Даже те, кого она совсем не знала, принимались за дело, осаждали ее в фейсбуке, на улице, во время уроков. Иногда это проявлялось всего лишь в кривых ухмылках, злобных взглядах, щипках исподтишка в темных углах коридора, оскорблениях, произнесенных шепотом в дверях, написанных на стене или брошенных прямо в лицо громким голосом. О ней рассказывали всякие гадости, наклеивали самые мерзкие ярлыки, достойные того презренного племени, к которому она якобы принадлежала: она якобы охотно отдавалась парням, когда бы те ни попросили, даже девчонкам, и вдобавок кололась... Так она, не знаящая ничего в своей жизни, кроме чисто романтических отношений во время давних летних каникул, превратилась в «шлюху», «проститутку», «подстилку». Все это страшно ее удручало, но Лана все же старалась держаться, избегала заводить, тех, кто преследовал ее особенно ожесточенно, равно как и подпевал, которые ограничивались насмешками, а также всех прочих, то есть безразличных, не участвовавших в травле напрямую. Последние порой ей улыбались, но в критических случаях всегда отворачивались, никогда за нее не вступаясь.

Она перестала спать ночами, отметки заметно ухудшились. Тщетно старалась Лана переломить

ситуацию, пыталась даже говорить с ними на одном языке, перенимать их манеры. Все было напрасно: разве волки отказываются от добычи, особенно если она уже ранена?

Наконец эти чертовы годы в коллеже подошли к концу. Как же она тогда радовалась каникулам, какое облегчение почувствовала, обретя надежду, что с наступлением взрослой жизни ярость одноклассников утихнет! Что они забудут о ней или найдут другую жертву. У нее был шанс, хотя и очень слабый, что главные организаторы травли не будут учиться в том же лицее, что и она. Каникулы Лана собиралась провести дома: она будет читать книги и слушать музыку. Уехать куда-нибудь — об этом она не могла и мечтать. У матери, с которой Лана не очень-то ладила и контактировала лишь эпизодически, не было ни средств, ни желания путешествовать. Мать работала до изнеможения, а вечера проводила в баре, расслабляясь, и приходила домой, чтобы тут же завалиться спать.

Нужно дождаться начала нового учебного года, и тогда начнется другая жизнь, все будет иначе, все будет хорошо.

И она вновь совершила ошибку.

В то лето Лана познакомилась с парнем, и эта встреча сыграла в ее жизни роковую роль. Однажды в торговом центре она увидела Кевина. Конечно же, он тоже принадлежал к ее обидчикам, но первым никогда не нападал, а довольствовался созерцанием того, как ее унижали, принимая безразличный вид. Но тогда в магазине он поздоровался с ней так, будто они были добрыми школьными товарищами. Удивленная Лана ответила в том же тоне. Кевин заговорил с ней, и они обменялись несколькими ничего не значащими фразами. Как же она была

обрадована, что он держался с ней так... нормально! Она подумала, что вдали от приятелей, когда он не должен был вести себя с ней, как белый господин с рабыней, Кевин таким образом пытался перед ней извиниться.

Когда он назначил свидание, Лана согласилась. И, что говорить, он вел себя очень мило. А когда он однажды подошел близко-близко, вплотную, чтобы поцеловать, ее охватило странное ощущение, что она стала кем-то другим, девчонкой, которая наконец вызвала у кого-то интерес. Лана закрыла глаза и чуть разжала губы, как это положено делать в таких случаях. Этот поцелуй стал для нее особым, он значил, что она реабилитирована, что она перестала быть посмешищем. Лана словно бы отмылась от стольких лет непрерывных унижений.

На следующий день, когда Кевин был по-прежнему любезен, она наконец-то задала ему вопрос, который вертелся у нее на языке. Почему ее преследовали?

— Да они просто подшучивали над тобой, — пробормотал он, испытывая неловкость. — Знаешь, твоя манера одеваться, стрижка, кольца в ушах, макияж... Такого у нас в квартале никто не видел!

Ответ ее удовлетворил. Да и стоило ли ворошить прошлое? Ведь тогда все они учились в колледже, были детьми. Но за это солнечное лето все вырастут, повзрослеют. Нет, впереди ее, несомненно, ждала совсем другая жизнь.

Когда он предложил ей заняться любовью, она сначала растерялась, не зная, что ответить. Но Кевин настаивал, ведь он «так ее хотел»! Не желая его обижать, а особенно потерять, она согласилась.

В первый раз все произошло в квартире приятеля Кевина, который дал ему ключи. Ужасный

опыт. Он очень быстро кончил, был неловким. Но она старательно делала вид, что ей понравилось. Только ведь Кевин не был идиотом и все прекрасно понял.

Что случилось потом? Сразу после близости Кевин от нее отдалился; их свидания становились все более редкими, а вскоре и вовсе прекратились. Она слала ему эсэмэски, писала по электронке, в фейсбуке. Но все было напрасно. Ни ответа, ни намека, ни единого слова, объясняющего их разрыв. Молчание — самое унижительное из оскорблений, когда тебе дают понять, что тебя больше не существует, что ты не заслуживаешь ни оправданий, ни упреков. Тогда она почувствовала себя ничтожеством, жалкой, вывалянной в грязи. Она не стала для него ни возлюбленной, ни любовницей, ни подружкой, а была просто шлюхой, которой оказали милость тем, что ею воспользовались. За всеми этими моментами близости, нежности, сюсюкающими словечками стояло банальное, унижительное и мерзкое желание секса. Она долго плакала тогда ночами, спрятавшись под одеялом и зарывшись лицом в подушку.

Но вот и пробил час возвращения к учебе. Нужно было все забыть, думать только о занятиях. Измениться, стать другой — женщиной, свободной от вчерашней себя и от других.

Увы, после нескольких первых недель спокойствия кошмар возобновился. Даже стал еще жестче, еще нестерпимее. Бывшие однокашники по коллежу узнали о Кевине. Наверняка он сам рассказал им, хвастаясь своей победой. Она, поняв это, почувствовала себя преданной вдвойне, окончательно сложенной.

В лицей перешло не так уж много его бывших дружков, но они оказались достаточно наглыми, чтобы вновь начать отравлять ей жизнь. Только теперь их оскорбления словом или действием обрели четкую сексуальную окраску. Сальные взгляды, разного рода непристойности. Они назначали ей свидания в туалете или подвале, сочиняли похабные истории и размещали их в фейсбуке. Лана даже закрыла свою страничку, но ее мучители не отступились. Они поджидали ее на выходе из лицея, адресовали ей неприличные жесты, подстерегали на пустынных улицах и лапали, хватая за грудь и ягодицы. Достав номер ее мобильного, названивали не только днем, но даже ночью.

Вне себя от отчаяния, Лана все же решилась заговорить об этом с матерью. Кое-что скрыла, конечно, чтобы не получить в ответ потоки брани. Та выслушала все без особого интереса, не отдавая себе отчета в серьезности проблемы.

— Да они просто хотят вывести тебя из себя, доводят, вот и все. Ну хочешь, я пойду и поговорю с ними? Или напишу записку директору?

Почему мать не понимала, что это ничего не решит? А наоборот, лишь усугубит их ненависть! Чтобы ее защищали от нападок мать или директор, какое позорище! Лана предпочла бы, чтобы мать предложила ей сменить лицей или еще лучше — место жительства. Сделать что-то радикальное, навсегда избавляющее ее от этих мук.

— Ладно, не парься, рано или поздно они отстанут, — пришлось ей в конце концов сказать матери.

А потом наступил полный мрак. Как-то они подстерегли ее возле дома, схватили и затащили в подвал. Вшестером. Четверо парней и две девчонки. Там

они принялись ее избивать и всячески оскорблять. Лана взмолилась, обращаясь к девушкам, просила их урезонить остальных, но те оказались еще более жестокими, чем парни. Именно одна из них принялась стаскивать с нее одежду. Как по команде, послушная стая юных самцов набросилась на нее, и вскоре Лана уже была голой. Чьи-то жадные руки рыскали по ее коже. Она пыталась отбиваться, кричать, но ее держали крепко. Откуда-то взялся кляп. И тогда мерзкие жесты возобновились с удвоенной силой, пощечины и побои тоже.

Что было потом? Она уже не знала, что было потом. Не помнила. В памяти запечатлелись только те двое, которые, пока она натягивала на себя одежду, когда остальные уже ушли, пригрозили выложить видео в интернет, если она кому-нибудь расскажет.

Вернувшись домой, Лана, униженная, затравленная, тут же бросилась под душ и принялась яростно тереть губкой тело, а уж потом разрыдалась. Как ей хотелось броситься в объятия матери, услышать слова поддержки! Ведь она была не шлюхой, а несчастной девчонкой, не понимавшей, чем она могла заслужить эту голгофу. Но когда мать переступила порог, бросив на диван сумку, и начала причитать о своей загубленной жизни, желание довериться ей у Ланы сразу улетучилось. Да и какими словами она смогла бы выразить то, что ей довелось пережить, то, что она сейчас чувствовала?

Нет, она должна все забыть, это единственное, что ей оставалось. Они перестанут, ведь они уже осуществили желаемое, да еще и с пониманием того, что зашли слишком далеко. Последняя страница этой кошмарной истории, начавшейся несколько

недель назад, была перевернута. После этого что еще они могли ей сделать? В любом случае из лицея она уйдет, найдет работу, станет совсем другой девушкой. Вот что она твердила себе тем вечером, скорчившись в постели и спрятав голову под одеяло, чтобы еще глубже не погрузиться в трясину своего горя.

В лицее она не появлялась неделю. Целую неделю Лана не спала и почти ничего не ела. Неделю провалялась на постели в своей комнате с закрытыми ставнями. Неделю, состоявшую из череды бесконечных дней, в которые они ни разу ей не написали. Ни эсэмэски, ни письма. Сожалели они о случившемся? Учителя из лицея связались с матерью, которая, не потребовав от дочери никаких объяснений, приказала ей вернуться к занятиям. Когда Лана сказала, что собирается бросить учебу и найти работу, та взорвалась:

— Хочешь прожить жизнь, похожую на мою? Иметь жалкую работу с вшивой зарплатой?

И Лане пришлось снова ходить в лицей, каждый раз замирая от страха, без конца оборачиваясь на улице, вздрагивая от каждого слишком резкого движения прохожего. Но агрессоры пока никак себя не проявляли. И Лана подумала, что, возможно, ад закончился.

До того самого дня.

Увидимся? Мы по тебе соскучились.

По спине девушки пробежал холодок. Эсэмэску она получила несколько минут назад. Лану тут же затошнило, и она побежала в туалет, где ее вырвало. Потом она бросилась к выходу. И сразу увидела их.